

ВОСПОМИНАНИЯ О ДРУГЕ И УЧИТЕЛЕ

EDN: JNNXQD

Тихонова
Наталья Евгеньевна

**У него не было никакой
идеологической зашоренности**

– Наталья Евгеньевна, расскажите, пожалуйста, каким было начало Вашего сотрудничества с Владимиром Васильевичем в Институте марксизма-ленинизма (ИМЛ) при ЦК КПСС? Каким было видение Владимиром Васильевичем страны, общества начала 1980-х гг.?

– Нас связывала не столько совместная многолетняя работа, текущие проекты, сколько общая юность, мы с Владимиром Васильевичем вместе проходили сквозь очень тяжёлые испытания, через которые проходила тогда страна и мы вместе с ней. И поскольку социально активной молодёжи и молодёжи вообще в ИМЛ было немного, мы с ним всё время оказывались в эпицентре событий: вместе были в Совете молодых учёных, в комитете Комсомола, вместе ездили на комсомольские учебы. Да, мы вместе работали над с проектами, строили карьеры, защищали диссертации, но это была только одна часть наша жизнь. Была и другая, дружеская, веселая и дружная.

Собственно, в ИМЛ Владимир Васильевич и начал заниматься проблематикой демократии участия. Тогда молодых научных сотрудников в нашем отделе было двое: он и я, причём мы друг друга дополняли: Володя занимался социально-политической тематикой вместе с А. Е. Крухмалёвым. У меня после МГУ был несколько другой профиль подготовки, поэтому я занималась социально-экономическими сюжетами и работала в паре с очень крупным теоретиком социологии А. Г. Здравомысловым. Все мы участвовали в ряде крупных международных исследовательских проектов, в частности в проекте с участием 8 стран, посвящённом изучению социальной активности. В рамках этого проекта Владимир Васильевич работал над главой о социально-политическом участии, что и стало началом его интереса к проблематике.

Тогда исследовательские и аналитические тексты писались очень кропотливо, и участие в проекте с международным участием предполагало, что глава будет доводиться до ума два года, пока к ней не будет вопросов, текст вышлифовывался и вычищался, многократно коллективно обсуждался. И это, конечно, привело к достаточно глубокому погружению Владимира Васильевича в проблематику участия.

Что касается его отношения к событиям 1980-х гг., то никто вплоть до конца периода не ожидал, что всё повернётся так, как оно повернулось. Если в 1985 г., после провозглашения М. С. Горбачёвым перестройки были какие-то надежды, то примерно в 1987 г. нам стало понятно, что страна разворачивается в каком-то по меньшей мере дискуссионном направлении. В 1989 стало понятно, что это направление совсем «не туда». Тут у нас была одинаковая позиция и общее ощущение «паровоза, который несётся в стену». И мы писали об этом в своих записках в ЦК КПСС. Другой вопрос, что к этому никто не прислушивался, потому что власть всегда руководствуется своими интересами, а не абстрактными рассуждениями.

– *Как Владимир Васильевич ощущал изменения в стране и обществе, настроениях людей в конце 1980-х гг., как он воспринял перестройку?*

– Будучи очень здравомыслящим человеком, не подверженным влиянию идеологических штампов, Владимир Васильевич критически, а иногда и с юмором оценивал перестроечные процессы. Особенно после того, как в 1987 г. были приняты три закона, о которых редко говорят, предпочитая больше вспоминать о демократических преобразованиях эпохи перестройки. Тогда под соусом развития частного предпринимательства и ведения кооперативной деятельности началось создание малых предприятий, которые зачастую создавались при промышленных гигантах и занимались разворовыванием госсобственности. Появились Центры научно-технического творчества молодёжи, через которые начали проводиться спекулятивные действия, например, завозились компьютеры и потом продавались. Это были сделки, которые давали по 1000% прибыли. И мы прекрасно понимали, к чему это всё ведёт, потому что эти процессы полностью идеологически разваливали доминирующую систему ценностей. Люди прекрасно видели, что идёт спекулятивное обогащение

и разворовывание собственности и многие понимали, что это безобразие никакого отношения к демократии не имеет. И в 1989 г. окончательно стало понятно, что мы идём не туда.

– *Расскажите, пожалуйста, каким был этап перехода Вас и Владимира Васильевича из Института марксизма-ленинизма в Российский независимый институт социальных и национальных проблем (РНИСиНП)?*

– Запрет на Компартию был тяжелейшим ударом для общества не только потому, что шок от обрушения привычного социального порядка был колоссальным, но и поскольку любой здравомыслящий человек понимал, что этот запрет не совместим с демократией: люди, так или иначе связанные с коммунистической партией, после её запрета могли оказаться без работы и перспектив дальнейшего трудоустройства. Пресечение попытки организовать травлю тех, кто на партию работал, многократно снизили опасность гражданской войны, но будущее сотрудников ИМЛ после запрета компартии было неопределённым. Поскольку партия была ликвидирована, ликвидирован был и ИМЛ, бюджетного финансирования не было, ситуация оказалась очень сложной и непредсказуемой. Надо было искать пути профессионального выживания, так что несколько тесно связанных между собой коллег из ИМЛ, занимающих активную жизненную позицию: А. Ю. Чепуренко, Е. Я. Виттенберг, и некоторые другие, выступили с идеей создания Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП). Михаилу Константиновичу Горшкову мы предложили бороться за создание нового института, он эту идею подхватил и взял на себя инициативу коммуникации с властными структурами. Для создания РНИСиНП мы, инициативная группа, занялись каждый своим направлением: я занималась подготовкой учредительных документов, кто-то отвечал за контакты со СМИ и т. д.

Владимир Васильевич в создании РНИСиНП первоначально не участвовал, поскольку в постперестроечные годы, до 1993 г., он работал в Госдуме как эксперт. Однако после расстрела Белого дома в 1993 г., очевидцем и участником которого он стал, Владимир Васильевич решил уйти из политического консультирования и присоединиться к команде РНИСиНП, чему мы были очень рады.

Довольно быстро после создания РНИСиНП стало понятно, что Институт занимает достаточно прочные позиции как исследовательская структура, его будущее довольно стабильно и сотрудники, будучи немного в стороне от бурной политической жизни и борьбы за власть, могут заниматься исследовательской работой. Вместе с тем, поскольку после ликвидации ИМЛ среди прочих задач стояла задача сохранения коллектива и интеллектуального потенциала Института, что было не просто в 1990-е гг., у нас, сотрудников РНИСиНП, выработался немного другой подход к жизни и стиль общения, чем у тех кто «сидел» на пусть маленькой, но стабильной зарплате бюджетных учреждений и ждал как кто-то решит их судьбу вместе с судьбой страны. Мы же сумели сохранить научно-исследовательский институт, кадры, уникальную коллек-

цию из Сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, которая потом была передана в Центральный партийный архив, ставший впоследствии Российским государственным архивом социально-политической истории.

– За долгие годы работы над тематикой демократии участия и социально-политического активизма изменились ли представления Владимира Васильевича о перспективах утверждения демократических ценностей в российском обществе?

– У Владимира Васильевича, как и у всех социально активных людей, была убеждённость, что демократия – это естественный, неизбежно достигаемый этап развития общества. Но для того, чтобы было демократическое устройство общества, люди в первую очередь должны научиться отвечать за себя. Демократизация происходит не тогда, когда людям говорят, что они патерналистски настроены, а когда среда, в которой они живут, создаёт условия для того, чтобы они принимали решения за себя. Но люди, которые были всю жизнь безресурсными, чьи родители, бабушки и дедушки были безресурсными, они для изменения своей жизни в массовом масштабе ничего не могут сделать. Они не могут вдруг стать психологически готовыми к тому устройству общества, которое предполагает участие. В нашей стране только в середине 1960-х гг. сравнялось число людей, рождённых в городах и деревнях, до этого даже по рождаемости доминировало воспроизводство сельской культуры, для которой главным было воспроизводство привычного образа жизни, стремление жить спокойно и желание, чтобы никто не мешал воспроизводить традиционный уклад. Внутренняя мобильность появилась у нас с распространением городского образа жизни только к концу 1980-х гг., когда стала преобладать городская молодёжь.

Но Владимир Васильевич всегда понимал, что наше общество неизбежно придёт к демократии. Вероятно, если бы не «внешние шоки», российское общество давно бы уже пришло к демократии, потому что власть всё-таки не столько мешает утверждению принципов демократии участия, сколько пытается эти росточки активизма поддержать. Всё-таки те, кто выходят и манифестируют – это не гражданское общество, гражданское общество – это люди, которые способны решать проблемы без и вне государства. Там, где такие попытки делаются, там скорее государственные структуры поддерживают активных людей, которых немного, поскольку большинство ждут команды сверху. Хотя у современной российской молодёжи постепенно начинают развиваться установки на самостоятельность и ответственность. Вместе с тем повторюсь, что в России на развитие демократии участия колоссальное влияние оказывают внешние шоки. Только в конце 1980-х гг. начала прорасти в качестве доминирующей городская культура, как наступили 1990-е гг., период колоссального падения уровня жизни, слома привычного социального устройства, массовой гибели людей по самым разным причинам: от безысходности или неприемлемости жизни до разгула преступности. Всё куда-то девалось, всё рушилось, все попытки что-то организовать рухнули, отбросив российское общество на 20 лет назад.

Только в середине 2000-х гг. появились какие-то надежды на самоорганизацию, и Владимир Васильевич тогда радовался, что вновь ожило движение самоорганизации, но внезапно настал кризис 2008 года. Та же ситуация случилась в середине 2010-х годов, когда восстановление общества, в том числе и ростки активизма, оказались снова нивелированы, теперь уже из-за санкций Запада после Крымской весны. Внешние шоки, конечно, очень мешают установлению демократических ценностей, для демократизации нужны в первую очередь массовые социокультурные изменения. Это очень хорошо показала попытка установить демократию сверху в североафриканских странах. Чтобы демократия сформировалась, нужно чтобы сформировался человек, способный жить и действовать в условиях демократии, общество должно созреть, желательно, в спокойных условиях.

– В начале 2000-х гг. Владимир Васильевич стал тесно сотрудничать с ВЦИОМ. Изменилось ли видение Владимиром Васильевичем ситуации в стране и обществе после его включения в работу ВЦИОМ?

– К моменту прихода Владимира Васильевича во ВЦИОМ мы в РНИСиНП уже довольно давно работали с социологическими данными. Первые социологические исследования РНИСиНП начал проводить примерно в 1991 г. И к 1995 г. мы начали сотрудничать с различными организациями, привлекая внешнее финансирование. Облегчало включение Владимира Васильевича в работу ВЦИОМ и то, что он всё-таки не был академическим учёным в классическом смысле, скорее с возрастом у него стал появляться интерес к теоретическому осмыслению общественных процессов. А в 1990-е и 2000-е гг. его скорее интересовала живая жизнь, а не какая-то сложная теоретическая её концептуализация. Так что переход во ВЦИОМ для него был не переходом от академической деятельности к практической, но скорее переходом от спокойной работы к режиму работы на конвейере, когда ты должен подстраиваться под скорость этого конвейера, а не заниматься персонально важными научными темами. Вместе с тем работая во ВЦИОМ Владимир Васильевич, несомненно, серьёзно обучился опросной технике, научился лучше формировать социологические анкеты, стал понимать, какие вопросы сработают, какие нет.

– Что Владимир Васильевич считал профессиональной задачей и «социальной функцией» социолога?

– Профессиональное кредо Владимира Васильевича было в том, чтобы честно работать. И в этом он был молодцом. В общественных науках всегда было мало людей, которые готовы были не просто честно работать, но, главное, получить незамутнённую и соответствующую реальности картинку, особенно работая с социально-политическими сюжетами, когда сложно было сохранить объективный взгляд в силу возможных личных идеологических пристрастий.

Мы работали в идеологическом центре ИМЛ и наш отдел готовил аналитику для ЦК. Вопреки распространённым сейчас мнениям, в нём нельзя было следовать идеологии, нужно было давать объективную картину, и мы просто изучали то, что есть. Врач не может расстраиваться, что у больного проблемы в организме, не может и учёный расстраиваться, что народ не такой, каким, как ему кажется, он должен быть. Владимир Васильевич считал, что учёный должен смотреть на проблему чистым незамутнённым взглядом, у него не должно быть оценочных суждений, не должно быть понятий должного и недолжного, перед ним стоит только задача описать ситуацию такой, какая она есть. И к своей деятельности как учёный Владимир Васильевич относился именно так, у него не было никакой идеологической зашоренности, но всегда было стремление рассмотреть проблему объективно, выяснить, какие коридоры возможностей и сценарии её развития существуют.

*Н. Е. Тихонова,
доктор социологических наук
(Интервьюер – Р. Э. Бараш)*